

Когда корни, поддерживавшие потолок, исчезли, полость начала показывать признаки медленного обрушения.

Но благодаря тому, что бедствие уничтожили рано, похоже, обойдётся небольшим обрушением, так что повезло. Наверное, другие области, кроме этой полости, будут в порядке. Забрав разбитое ядро в качестве доказательства уничтожения, Бертрам, держа на руках раненого Бориса, вместе с другими наёмниками бежал по проходу. Борис, вернувшийся в волчонка, прерывисто дышал и съёжился.

Когда был магическим зверем, из-за голубого пламени рана не была чётко видна, но теперь, в облике маленького волка, рана была довольно большой. Бок был весь разорван, видна была плоть, вид был крайне жалким. Хотя благодаря первой помощи Эриха кровь больше не текла, определённо было очень больно.

Кууун, курррун. Оставив позади звук обрушения полости в глубине земли, наёмники наконец смогли выйти под яркое солнце. Хоть рабочие шахты, следившие за ходом событий снаружи, кричали от радости, Бертрам сразу направился к заказчику. Когда показал скорлупу ядра в руке, заказчик показал улыбку облегчения.

— Если думаете обыскать внутри и найти хотя бы кору или листья дерева, лучше откажитесь от этой мысли. Из-за моего артефакта всё сгорело без остатка.

— Я и не рассчитывал на такое. Хорошо уже то, что работа быстро решилась и можно возобновить работу шахты. Кстати, похоже, слух о том, что оторвались от преследования королевской армии, не ложь. Всего пятерых, а победили это огромное бедствие...

— Хватит предисловий, один из моих наёмников ранен в бою, так что нужно использовать лекарство. У вас есть лекарство, которое хорошо действует на звероловцев?

В выражении лица заказчика явно читалось благоговение. Получив от него остаток оплаты вместе с дорогой мазью, которая, как говорят, хорошо действует на любую расу, Бертрам тут же оставил прощальные слова и повернулся.

Состояние Бориса тоже волновало, но и состояние самого Бертрама тоже было не очень хорошим. Пока готовились снова сесть в карету, на которой приехали, и вернуться в трактир, Хербарт тихо прошептал прерывисто дышащему Бертраму:

— Командир, вы в порядке?

— Пока в порядке. Использовал всего минуты одну-две... Хватит сил на своих ногах войти в трактир.

Ответив так Хербарту, Бертрам повернул голову и выдохнул в окно. Хотя так сказал, уже чувствовал, как внутри живота собирается горячий комок. От жара, словно глаза вылезут, прерывисто дыша, он обнял тело Бориса.

[Правда в порядке, командир?]

— О себе беспокойся, идиот.

Поскольку голосовая структура волка не может произносить человеческую речь, Борис говорил через телепатию. Бертрам сморщился от этого голоса, передающегося в голову. Дурак, хоть и была срочная ситуация, но всё равно - не думать о своём теле и просто так заслонять.

Глядя на Бертрама, который зря страшно хмурился, поглаживая голову Бориса, Эрих горько улыбнулся.

— С Борисом всё будет в порядке, так что беспокоиться не о чем. Первую помощь оказал сразу, и если намазать ту мазь и наложить сверху несколько раз лечебную магию, такая рана быстро заживёт.

— Точно?

— Ммм, не думал, что наш командир не доверяет моей магии.

— Нет, доверяю. Если я не буду доверять твоей магии, чьей тогда доверять? Доверяю, но всё равно ребёнок ранен...

— Наверное, ещё до прибытия в трактир всё заживёт, так что перестань хмуриться. А вот кого впустим в комнату в трактире, нужно сначала решить, разве нет?

Вздвигнув, тело Бориса задрожало по другой причине, чем раньше. Остальные наёмники тоже со странными выражениями лиц смотрели друг на друга. Бертрам зря прокашлялся от странной атмосферы, которая мгновенно изменилась, но, к счастью или нет, другие наёмники на удивление просто отступили.

— Минуту или две использовали? Тогда не нужно впускать нескольких, одного достаточно.

— Впустите Бориса. Сегодня у этого парня есть право.

Без ревности, без выражения сожаления наёмники так сказали и улыбнулись. Борис, немного смутившись, зарылся головой между колен Бертрама, а товарищи, глядя на это, посмеивались, словно это было забавно. Только Бертраму было немного паршиво, потому что место, куда зарылся Борис, оказалось между пахом. Хотя специально не целился, но странное ощущение было неизбежным.

Возвращаясь в трактир, Бертрам покусывал губы и мял попку Бориса. Эрих, накладывавший лечебную магию на Бориса, глядя на это, продолжал посмеиваться.

***

Когда отряд наёмников, ещё недавно снимавший номер на пятерых, сегодня вдруг потребовал отдельно номер на троих и на двоих, хозяин трактира показал странное выражение лица.

Конечно, Бертрам нисколько не обращал внимания на этот взгляд. Пока другие наёмники снимали усталость от боя и отдыхали в комнате, Бертрам вошёл в номер на двоих, где Эрих заранее установил звукоизоляцию, и лёг на кровать. Когда он торопливо расстегнул грудь и снял штаны, волк, словно ждал этого, забрался на кровать.

Это был волк, не волчонок и не магический зверь, а обычного взрослого размера. Хоть и не настолько внушительного размера, как в облике магического зверя, нынешний Борис тоже был достаточно огромным. Хотя Бертрам сам был невероятно высоким, чуть больше двух метров, нынешний Борис, если поднимется на задние лапы, мог положить голову на макушку Бертрама.

Нынешнее состояние - это состояние, в котором звериные оборотни, включая Бориса, чувствуют себя наиболее комфортно. Борис всегда ходит в этом облике, когда вокруг нет

незнакомых людей, и иногда, когда приходится спать на полу, спит в этом облике. И это история, которую слышал от самого Бориса, но на самом деле во время секса нынешний облик гораздо удобнее, чем человеческий...

— Сначала давай посмотрим на рану, зажила?

[Мышцы немного тянут, но уже всё зажило. Вы же знаете способности Эриха.]

— Всё равно на всякий случай. Давай.

Проверив рану на боку визуально, и этого было мало – только погладив несколько раз рукой и почувствовав на ощупь, Бертрам с облегчением снова лёг на кровать. Как бы ни торопился, хотелось как следует проверить, что нужно проверить.

Даже если в голове уже было полно желания засунуть что угодно в зад, и единственные мысли, что приходили – это мысли о членах.

[Спасибо. Что позволили мне войти одному...]

— Хватит. Ты меня спас, так что считай наградой.

[Но в прошлый раз командир меня спас.]

— Это потому, что я командир, и это естественно... Хх, хаа.

Борис, который, сунув голову между расстёгнутым воротом, принюхивался, поднял голову вдоль шеи и выдохнул горячее дыхание у уха. Только от этого уже казалось, что голова сварится. Вскоре горячий и влажный язык глубоко вошёл внутрь уха и облизал, и от хлюпающего ощущения и звука, словно напрямую стимулирующего мозг изнутри уха, всё тело Бертрама покрылось мурашками.

[Хочу быть полезным для командира. И в бою, и в такой ситуации... Любым способом. Хотя бы не быть обузой.]

Хоть и в облике волка, так что мимика не такая богатая, как у человека, но даже с учётом этого было заметно, что немного смущается и стесняется. Всегда так думаю, но действительно робкий парень. Даже в такой ситуации говорит такое.

То ли из-за нестабильной среды, в которой рос с детства, то ли из-за того, что всегда получал строгое воспитание от единственного родственника – старшего брата, Борис не мог нормально выражать своё мнение и всегда был немного зажатым. Хотя благодаря тому, что другие товарищи и Бертрам не ругали и хорошо заботились, стало немного лучше, но это только снаружи повзрослел, а внутри всё ещё робкий и ранимый.

— С чего ты говоришь, что обуза. Ты достаточно хорошо справляешься.

[Но.]

— Ведь и на этот раз так. Если бы не ты, я, наверное, серьёзно пострадал, и заказ провалился бы. Благодаря тому, что так заслонил в тот момент, я тоже пришёл в себя и смог справиться с тем бедствием.

[.....]

— Так что не думай ерунду. Да? Сейчас сосредоточься на мне...

Возможно, зная это, ещё больше беспокоит и хочется побаловать. Бертрам, задыхаясь, обнял голову Бориса. Грррр, довольный, издавая слабый рычащий звук, Борис улыбнулся. Тяжёлый вес волка полностью лёг на его живот, и одновременно нижние части тел соприкоснулись. В этот момент в голове Бертрама вспыхнули искры.

[Да, сосредоточусь на командире.]

— Ах, хсс!

[В этом облике, можно вставить в дыру командира, ведь так? Да? Пожалуйста, скажите, что можно...]

— Да-давай, в любом облике нормально... Хаа, хх.

Конечно, глядя на такой вид в постели, слова "робкий" или "ранимый" совершенно не подходят. Член волка, сильно надавливая и трясь о член Бертрама, уже был невероятно твёрдым, хотя никто его не трогал. Когда грубо тёр и давил на любимое место любимым способом Бертрама, из его головки уже начала течь прозрачная жидкость.

Борис в облике волка во время секса действовал гораздо активнее, чем обычно. Когда насиловали его вместе с другими товарищами, был в человеческом облике, потому что товарищи чувствовали себя неудобно, но на самом деле, если уж говорить о предпочтениях, Бертрам больше любил нынешнего Бориса.

Язык волка, который, словно целуя, облизывал кончик носа и губы Бертрама, постепенно спускался вниз, пачкая шею и грудь. Ощущение бугристого языка, настойчиво облизывающего соски, было головокружительным.

Нынешний Борис во многих смыслах отличался от того, когда был человеком. Тело юноши, хоть и с мышцами, но гораздо более стройное по сравнению с Бертрамом, теперь было тяжелее и крепче, чем Бертрам, а мягкий и нежный язык покрылся шершавыми бугорками, щекоча и возбуждая всё тело при облизывании. Плюс тот член – хотя и когда был человеком, он был достаточно большим, но теперь, став полностью звериным членом...

"Я правда за сорок лет жизни не думал, что наступит день, когда буду без ума от звериного члена".

Конечно, зная, что это не просто зверь, а дорогой товарищ Борис, ещё больше нравилось, но всё равно тяжёлый волчий член, трущийся о живот, был гораздо мощнее и толще, чем в человеческом облике. Даже просто от трения и давления члена уже чувствовалась разница, а если сравнить ощущение наполненности при принятии в зад, то и говорить нечего.

— Вставь, хаа, не три там просто так.

[Знаю. Подготовлю, чтобы быстрее вставить, накормить спермой...]

Медленно поднявшийся Борис зарылся головой между ног Бертрама. Горячее и влажное дыхание зверя резко выдохнулось на член. Понюхав и слегка попробовав головку, с которой текла жидкость, волк спустился ниже и засунул язык в раскрывающуюся дыру.

— А, хмм!

Ощущение облизывания входа и проталкивания слюны между складками было щекотно до слёз. Плюс когда язык глубоко вошёл и начал старательно разрабатывать дыру, бёдра сами задвигались.

Пожирает. Словно съест. Конечно, не то чтобы на самом деле боялся, что Борис укусит или пустит в ход зубы, но просто в такие моменты каждый раз инстинкт так шептал. На самом деле в этой ситуации действительно стыдно должно быть той стороне. Изначально крайне робкий, так что определённо сейчас тоже очень напряжён.

Наверное, это из-за жуткого запаха самца, который исходит от этого парня. Как бы ни знал, что изначально характер робкий, как бы ни осознавал, что этот парень – младший в этом отряде наёмников – запах зверя, вибрирующий из того задыхающегося рта, из жидкости, вытекающей с кончика полностью эрегированной головки, постоянно посылает неправильные сигналы инстинктам.

[Ложитесь на живот, подняв ягодицы. Чтобы правильно вставить, так лучше...]

Когда Бертрам, пошатываясь, встал и лёг на живот, подняв бёдра, как собака, вскоре передние лапы Бориса легли на его спину. Из отношения, стараясь максимально не касаться когтями спины, читался изначальный характер Бориса. Однако крупная головка, касающаяся раскрытой дыры, не была такой робкой или нежной, как его характер.

Бертрам, предвкушая скорое проникновение, глубоко вдохнул и расслабил нижнюю часть тела. Зверь, медленно потирая головкой дыру и проверяя, можно ли войти, вскоре, решив, что этого достаточно, чтобы удовлетворительно принять своё, довольно зарычал.

— Хик, а, аах...!

Совершенно отличный от человеческих изгибов, с выпуклыми венами звериный член одним разом вошёл, резко толкнув внутренности.

— Хх, хм, хаа, ах, хаак...!

Из горла Бертрама, уткнувшегося головой в подушку, текли жалкие стоны. Тело, придавленное тяжёлым весом животного так, что почти утонуло в кровати, только ягодицы высоко подняты, и принял докрасна раскалённый звериный член до самого основания. Возможно, из-за немного другого угла проникновения по сравнению с принятием человеческого члена, головка грубо разорвала части, которые обычно не давило бы.

— Разорвёт, хик, живот, разорвёт... Хаак, мм, хсс!

[Не разорвёт, и не порвётся... Места для моей спермы ещё есть.]

<http://bllate.org/book/15038/1337834>